

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>
Название: Семейные выходные в хижине

автор: NC_Coastal ©

Долгое лето наконец кануло, наступила осень, а но еще не было видно конца пандемии. Дни становились короче, а ночи — немного прохладнее, и моя семья находящаяся в изоляции решила сделать перерыв.

Нам нужно было куда-то выбраться.

Я был дома с тех пор, как в марте в Каролине отменили уроки, и мои мама и папа работали на удалёнке почти столько же. Папа — руководитель спортивного маркетинга, который большую часть времени проводит на телефоне, а мама — учительница, которая теперь на дистанционке часами проводила занятия в интернете с неочень заинтересованными учениками, общаясь так же с расстроенными родителями и школьной администрацией.

Я не видел друга несколько месяцев, не был на вечеринках или каком-либо общественном мероприятиях. Мой футбольный сезон закончился еще до того, как начался.

Мы все сходили с ума, когда однажды неожиданно папа вошел на кухню и объявил, что мы едем в хижину. Мы с мамой вопросительно посмотрели друг на друга. Мы уже много лет не были в старом охотничьем домике. По факту, я был там последним, когда взял с собой группу школьных друзей на увеселительные выходные, о которых мои родители никогда не знали.

Я был уверен, что там все еще были следы тех выходных.

Поэтому, когда папа сказал, что мы отправляемся туда, я немного нервничал. Маме эта хижина все равно никогда не нравилась.

Она была деревенской, пыльной, уединенной и неудобной даже в лучшие её дни.

Но мой отец казался непреклонным, поэтому мы все пожали плечами. По крайней мере, это была хоть какая-то поездка. Все, что угодно, чтобы нарушить рутину.

В любом случае наш распорядок стал немного странным. Мы все вставали в разное время по утрам, все ложились спать в разное время ночью. А в течение дня мы просто проживали свою нелепую жизнь, не обращая внимания на то, что делают другие.

Я почти никогда не носил больше баскетбольных шорт и футболки. Папа весь день ходил в боксерах, а мама всегда носила штаны для йоги и обтягивающий топ. Она перестала носить бюстгальтер.

Каким-то образом это стало естественным.

Были времена, когда я обнаруживал, что смотрю на соски своей мамтери, и я точно знаю, что она видела мои взгляды, и как я украдкой поглядывал на ее задницу.

Моим родителям было по 39 лет. Мне недавно исполнилось 19. Мы всегда были близки. У них был я, когда они еще учились в колледже, в то время у них был тесный секс втроем, двух молодых родителей, единственного ребенка и поэтому никакой защиты.

Мы жили, и никогда не сомневаясь, что когда-нибудь у нас будет та жизнь, о которой мы мечтали. И мы это делали, пока пандемия не поразила и не загнала нас всех в двухэтажный бункер в красивом районе, окруженном всеми удобствами, но нам некуда было деваться.

Итак, мы сделали то, что делали всегда. Мы стали ближе.

Моя спальня была дальше по коридору от их. Посередине коридора стояла основная ванна, где мы по очереди принимали душ в режиме нон-стоп, который всегда заставлял нас наталкиваться друг на друга, всегда извинялись и неловко смеялись, когда один из нас видел

то, чего не должен был видеть.

По крайней мере, мы сделали это до того, как пандемия унесла нас вглубь лета. В какой-то момент мы все просто пожали плечами и сделали то, что должны были сделать. Таким образом, я не раз видел свою мать голой. Она видела меня голым. А так же папу видели голым.

Когда я пошел в институт, мне было комфортно с девушками и парнями. У меня была отличная сексуальная жизнь, я был открыт и готов экспериментировать. Для меня студенческая жизнь давалась легко. Я учился и занимался в футбольной команде. Я уверенно строил планы на лето, надеясь найти работу в Чапел-Хилл, пройти несколько летних курсов, а затем поступить на младший курс в качестве защитника с полной стипендией.

Но в марте разразилась пандемия. Я ушел домой.

Жизнь, как я ее знал, закончилась. Жизнь, как я планировал, исчезла. А моя сексуальная жизнь?

Обойтись без секса в течение шести месяцев было достаточно сложно. Но слушать, как мои родители играли друг с другом в любое время дня, было тяжело, в прямом и переносном смысле. Папа понятия не имел, что я переживаю, по крайней мере, он ничего не говорил. Мама знала мою историю.

Она была очень осведомлена о моей жизни.

Однажды, когда папа работал в гараже над чем-то, я пошел в ванную наверху, когда услышал, что мама находится в своей комнате. Она стонала, и глухой звук электрического вибратора дал мне понять, что происходит. И, конечно же, дверь была открыта.

Я прокралась по коридору и выглянула из-за угла. Моя мама была голой. Ее ноги широко расставлены. У нее был вибратор. Он торчал в ее заднице. Она дико трахала себя дилдо.

Я, затаив дыхание, смотрел, как она мастурбирует, чувствуя, как мой член становится твердым, и наблюдая, как моя мама играет сама с собой, потерянная в своих желаниях, женщина без запретов трахает себя, зная, что ее 19-летний сын, вероятно, все это слышит.

Я наблюдал несколько минут, в конце концов вытащил свой член и начал мастурбировать сам, больше слушая, чем наблюдая. Я слышал, как моя мама кончает во второй или третий раз, когда у меня наконец начались извержения.

Я выглянул из-за угла и увидел, что моя мама все еще занята этим, ее голова была повернута от двери, когда моя сперма начала брызгать, белые капли ударялись о деревянный пол, теряясь в моем собственном порочном облегчении.

Я взглянул на тело моей мамы, ее длинные ноги, ее бритую киску, ее дерзкие сиськи, которые все еще выглядели так, как будто ей было около 20.

Я видел как ее светлые волосы были растрепанны.

Она была такой красивой, такой сексуальной. Я только что кончил, наблюдая, как моя мама мастурбирует. А потом я увидел, как она смотрится в зеркало. Она тоже смотрела на меня!

Мои глаза расширились, когда я отступил в холл и на цыпочках направился в свою комнату. Но потом я решил спуститься вниз, уйти с места происшествия, так тяжело дыша, что у меня закружилась голова.

Я вышел на заднюю палубу и просто стоял там, моя грудь вздымалась, мое сердце колотилось. Что я только что натворил? Что я только что видел? Я был напуган, сбит с толку и возбужден больше, чем когда-либо был возбужден другой женщиной. И это была моя мама!

В этот момент я услышал позади себя звук. Это была мама на кухне.

Она что-то доставала из шкафа, когда я заглянул в раздвижную дверь. Я видел, как она наклонилась, чтобы достать что-то из нижнего шкафа.

На ней не было трусиков. Просто футболка, которая едва прикрывала ее зад. Она была босиком, волосы все еще были в беспорядке. Она была великолепна. Мой член сразу же снова затвердел.

Когда она встала и обернулась, я смотрел, слегка приоткрыв рот, широко открыв глаза в легком возбуждении.

Мама улыбнулась мне и подмигнула. Никаких слов не надо было. Что бы мы сказали друг другу? Мы просто смотрели друг на друга, мама улыбалась, а я с кривой усмешкой и твердым членом, который она заметила.

Мы застыли на мгновение восторженной страсти и бушующей неуверенности по поводу того, что только что произошло наверху, и никто из нас не хотел говорить первым. Я просто стоял и смотрел. Мама просто стояла и смотрела на выпуклость на моих шортах.

А потом открылась боковая дверь гаража, вырвав нас из забытия.

Мы оба посмотрели друг на друга, как никогда раньше, что-то вроде договоренности о неразглашении.

Тогда вошел папа и объявил, что мы едем в хижину.

— — — — —

Старое место было примерно в часе езды от города, небольшой участок земли рядом с государственным парком. Мой отец купил его у старого охотника, которого знал, и который больше не мог пользоваться прочным каменным домиком и был готов продать его дешево.

Папа всегда говорил, что это подарок. Он получил это практически бесплатно.

Раньше, когда я был еще подростком, мы часто приезжали туда, в основном только мы с папой, но время от времени мы уговаривали маму приехать, обещая ей, что мы останемся только на одну ночь. Мы ходили на прогулки и разводили костры в камине, ловили рыбу в озере государственного парка у подножия гребня. У нас был старый генератор, который давал нам некоторое подобие электричества. Ни телефона, ни сотовой связи и телевидения. У нас было старое Ламповое радио, которое трещало и вырубалось, пока мы слушали Grand Ole Opry в Нэшвилле или бейсбольные матчи в Питтсбурге и Сент-Луисе.

Это было похоже на возвращение в те времена. На нижнем этаже стояли две кровати, а наверху — одна на чердаке, ванная была подключена к водопроводу, идущему бог знает откуда, старая газовая плита, подключенная к баллонам с пропаном, которые служба парка наполняла для нас и время от времени обслуживала.

Но очарованием этого места была большая комната, тянущаяся вдоль всего дома, с печью с одного конца и с камином с другого. На камине свисала большая голова оленя.

В углу было огромное кресло, накрытое индийским одеялом. Там была большая кушетка и несколько старых деревянных кресел-качелей, а посреди пола лежала большая шкура медведя, голова медведя наблюдала за вами, широко открыв пасть.

В другом углу находился оружейный сейф, где хранились папин дробовик и мои винтовки. Я приезжал каждое лето и охотился на оленей со своими друзьями. С тех пор орудия не трогали.

Удочки и старые сети, ржавые приманки были развешаны по стенам вместе со старыми фотографиями: охотники на черно-белых изображениях, животные оттенков сепии, некоторые мертвые, некоторые живые. И на мантии, ряд рамок с изображением старика,

который жил здесь раньше, и трех членов нашей семьи.

Когда я закрыл глаза, я мог все это вспомнить. Но впервые в моей жизни, когда я путешествовал по переулку памяти всего через день, я мог видеть только одну вещь, когда закрывал глаза.

Моя мать трахает себя и смотрит на меня в зеркало.

Я представил себе, что может произойти в хижине, я на чердаке смотрю на своих родителей в их большой кровати.

Я вздрогнул от этой мысли. Это меня так взволновало. Это меня пугало. Я действительно дрожал от предвкушения, когда мама скакала по кухне в футболке и без трусиков, папа входил и выходил из гаража, поболтать о делах, дровах, пропане и еде.

Мама была в винном шкафу, доставала бутылки с водкой, тихо напевала, потянувшись за пластиковыми стаканчиками и наклонившись за тарелками и салфетками, замороженными стейками из морозильника, овощами, все время показывая сыну свою идеальную задницу, и ее мокрую киску, Планирует, Кто знает, что может произойти в ближайшие дни.

Я смотрел на нее с трепетом. Я был заморожен. Впервые в жизни я захотел маму так, как никогда не мог себе представить.

— Майк, — наконец сказала она, нарушая тишину, — ты не мог бы помочь мне с этим?

На верхней полке стояла большая миска, до которой она не могла добраться.

— Ты бы стал моим высоким мужчиной и отдал бы это маме?

Я чуть не упал в обморок. Я был ее мужчиной? Она снова была мамой? Я выдохнул и подошел к ней, мой член теперь выпрямился, мама смотрела на него, положив руку на бедро, когда я задел ее и потянулся к миске.

Я чувствовал ее руку на моей заднице, как будто она страховала меня.

Но потом она соскользнула руками по моему животу и удерживала меня, ее руки скользили вверх и вниз по моей груди.

Она поцеловала меня в шею, когда одна рука медленно скользнула по моему животу к головке моего члена. Ее пальцы мягко коснулись его, когда она мурлыкала мне в ухо.

— Я люблю тебя, милый, — прошептала она. — Мама тебя так сильно любит.

Папа ворвался в дверь, когда мама отпустила меня и ускользнула на цыпочках, напевая, как маленькая девочка, прыгая по лестнице, ее футболка ничего не скрывала, когда она подпрыгнула в коридор и за угол.

Я посмотрела на своего папу, который смотрел на мой член, забавным взглядом в его глазах, но без смущения или осторожности.

Он прямо смотрел на выпуклость на моих шортах.

— Когда мы уезжаем» — спросил я, выводя его из транса.

— Эээ, завтра, — пробормотал он. — Завтра утром. У тебя есть все, что тебе нужно?

— Да. Я почти уверен, что всё.

Тот вечер был туманным, так как мои родители обсуждали утреннюю поездку, список вещей, которые нам понадобятся, длинный список вещей, которые нам не понадобятся. Я собрал вещи наверху, положив в чемодан лишнюю пару джинсов, несколько пар боксеров, толстовку и две или три футболки.

Мы собирались уехать в пятницу утром и вернуться в воскресенье, может быть, в понедельник, в зависимости от терпения мамы и способности папы, знаете ли, заставить генератор и пропан работать.

Я также открыл ящик для носков, потянулся за спиной и вытащил сумку с горшком. Я планировал ускользнуть и побить камнями при первой же возможности, полагая, что мама не захочет участвовать в походах, рыбалке или плавании в холодных водах озера.

Я не спал той ночью допоздна, думая о том, что произошло в тот день. Видя, как моя мама мастурбирует, как я смотрел на ее голую задницу, когда она скачет по кухне, о том, как она целовала меня и касалась кончика моего бушующего твердого члена, и даже моего папы (правда Папа?). Глядя на мою эрекцию, пока мы готовились к путешествию.

Как оказалось.

В ту ночь родители закрыли дверь своей комнаты. В конце концов я заснул в прерывистых снах о моей матери, хижине, моих дальних друзьях из колледжа и вспышках моего детства, когда мои родители были молодыми, и мы были ближе, чем я мог когда-либо представить. Мы собирались стать намного ближе, и я почувствовал, что это приближается, как надвигающаяся буря, как наводнение, которое собирается накрыть нас. В те выходные мы возвращались назад во времени. И собирались вступить в совершенно новое будущее.

Я спал в холодном поту, ворочался всю ночь до рассвета, когда я почувствовал, как по моей спине пробегает рука.

— Проснись, Сахарок, — прошептала мама.

Я перевернулся, пораженный, все еще мечтающая, мои простыни были влажными и растрепанными, мои боксеры были влажными и натянутыми. У меня был такой сильный утренний стояк, что казалось, что мой член вырос на дюйм за ночь.

Мама улыбнулась, сбросив простыни и скользнув пальцами по моему животу к моему твердому члену. Она почти не дотронулась до него, просто как бы ощупав от основания до кончика, все еще в моих боксерах.

Затем она вышла из моей комнаты, уронив халат на пол. Она была полностью обнажена.

— Пора идти, — сказала она. — Нас ждут приключения!

Я сразу начал дрочить, услышав, как она включает душ, не закрывая дверь ванной.

— — — -----

Поездка в хижину казалась вечностью. Внедорожник был забит сзади, а рядом со мной на заднем сиденье были чемоданы. Мои родители болтали всю дорогу, из динамиков звучало радио NPR, а вид из моего окна менялся сначала город, деревня и, наконец, горы.

Мы оказались на широкой дороге, которая была длинная, но невероятная, ту, которую мы как-то упускали все эти годы. Когда мы наконец добрались до поворота, мы оказались в другом мире. Мы соскочили с асфальта на старую гравийную лесозаготовительную дорогу, которая вела через старый лес, а вокруг нас были только деревья, когда папа медленно ехал по колеям и ямам, Мама держалась за приборную доску белыми костяшками пальцев и не смела смотреть в свое окно, которое находилось в паре футов от обрыва в ущелье и неминуемой смерти.

Я просто наблюдал за ними: папа ехал по дороге, по которой не ездил много лет, мама молилась вслух, а я давал им инструкции.

— Притормози перед следующим поворотом, — я сказал своему отцу. — И ускорься на выезде из этого. Большой холм может быть мокрым.

Он кивнул и поехал, не говоря ни слова. Думаю, ему хотелось, чтобы я ехал за рулем.

Мы поднялись на холм, и они оба с облегчением выдохнули. Перед нами раскинулось широкое поле, лысина на вершине хребта. Вдалеке можно было разглядеть хижину.

Под нами озеро.

Моя мама наклонилась и поцеловала моего отца, глядя на меня и подмигивая. Это был нежный момент. Мама и папа целуются на переднем сиденье. Майки сзади, как в старые добрые времена.

Мы достигли границы нашей собственности, и я выскочил, чтобы отпереть ворота, возился с ним некоторое время, прежде чем они неохотно освободились от ржавчины. Никто не проезжал через эти ворота много лет. Я это знал. Это был единственный путь на машине. От задней части хижины вверх по гребню и до государственной собственности тянулась старая лесозаготовительная тропа. Каждый год в хижину пробирался рейнджер, осматриваясь и делая любой ремонт, который он считал необходимым. Время от времени он звонил папе и докладывал. Мы не слышали о нем три года.

Я шел от машины к крыльцу, глядя на несколько отсутствующих планок и замечая растения, растущие сквозь щели. Что-то убежало прочь, когда я отпер засов и толкнул старую дверь.

Хижина внутри выглядела точно так, как я её оставил. Одежда разбросана в большой комнате, несколько старых банок «Будвайзер» на барной стойке, несколько тарелок, сложенных в раковину, на которые периодически капает из старого крана.

Мама вошла за мной.

— Похоже, у кого-то была вечеринка, — сказала она.

— По крайней мере, они прибрались — сказал я, чувствуя, как она проходит мимо меня, когда она распахивает шторы и открывает окна.

— Давай проветрим это место.

Холодный воздух ворвался внутрь, пыль поднялась и вылетела через входную дверь. Мама занималась чисткой столешницы, а я вынес одеяла на улицу и вытряхнул их. Папа возился с генератором, ругаться, как матрос, разбираясь с клапанами и старым стартером.

Я вернулся и осмотрел место. Все окна были в исправном состоянии, полы были прочными, лестница на чердак все еще была в хорошем состоянии, а кровать наверху наполовину застелена, в точности так, как я ее оставил.

На тумбочке стояла пепельница и в ней косяк, который коптил три года назад. Я зажег его и закурил, выпустив дым в окно, а затем подошел к перилам, откуда открывался весь первый этаж. С одной стороны чердака я мог смотреть прямо в большую комнату, откуда возвращались воспоминания ко мне.

С другой стороны чердака я мог смотреть прямо в спальню своих родителей, грубый туалет и ручной душ в углу, занавески для душа давно не было. Я так много видел с этой точки, что раньше не понимал.

Я почувствовал волну эмоций, пробегающую по моему телу, особенно когда как подо мной мама вошла и сняла с себя верх и открыла чемодан. Она вытащила толстовку, пока я молча смотрел, стараясь убедиться, что она меня не видит. Когда она открыла чемодан, я чуть не ахнул.

Она привезла с собой на нижнее белье. Я могла видеть прозрачные атласные и шелковые изделия, похожие на подвязки и трусики. И в довершение всего, безошибочные очертания фаллоимитатора, прикрепленного к поясу.

«Боже мой, — подумал я. «Она принесла гребаный strapon».

Я наблюдал, как она ходит по комнате, слушая, как мой отец ругается и снова и снова пытается запустить генератор прямо за моим окном внизу. А потом без предупреждения мама

посмотрела на меня и улыбнулась.

— Милый, мне нужна твоя помощь.

Мысли прокатились по моей голове, когда я спрыгивал по ступенькам, образ всего этого нижнего белья, фаллоимитатора, (Боже!) strapon. Я прокрался в их комнату, когда она закрывала чемодан.

— Слей, воду в туалете, — сказала она.

— Вода оранжевая. Ни за что, мама, ты не сядешь на этот унитаз.

Я смеялся, залез под сырую сантехнику и повернул водяной вентиль. Душевая лейка покачивалась и капала, когда я протянул руку и смыл воду из унитаза. Затем я включил душ и слил оранжевую воду в канализацию, пока она не стала прозрачной.

Я вытер все, открыл маленькое окошко и повернулся к матери.

— Вуаля! Прямо как дома.

Она закатила глаза, взяла мое лицо обеими руками и поцеловала меня в губы.

— Маменькин сынок, — сказала она, поворачиваясь и уходя. — Вернее, мамочкин очень БОЛЬШОЙ мужчина!

Она со смехом подошла к шкафам и начала прибираться.

— Как насчет выпить? — спросила она, перегнувшись через раковину, чтобы крикнуть папе.

— Стивен! Как там дела. Я готовлю напитки. Мы остаемся?

В этот момент генератор ожил, громко и вспыхнув, выпустив дым в воздух, маленькая лампочка вспыхнула над нами, и радио внезапно загорелось старой деревенской песней, играющей сквозь статические помехи.

Мама подошла ко мне сзади, протянул мне напиток, затем взял меня за руку, кружась в пируэте, в выцветших джинсах и старой толстовке. Она была босой и красивой. В тот момент я любил ее больше, чем когда-либо в моей жизни.

Папа вошел, как всегда безупречно вовремя, хлопнул мою маму по заднице и налил еще водки в свой уже приготовленный напиток, а затем сделал большой глоток. Он был весь в поту и был грязным.

— Мне нужен душ. Скажи мне, что у нас есть проточная и чистая вода.

— Холодная и слегка в грязная. Как всегда.

Он исчез в спальне, и мы услышали шум воды, а затем крик.

— Иисус! — крикнул он. — Это ледяной дождь!

Моя мама засмеялась и приложила палец к губам.

— Давай, — сказала она, ведя меня вверх по лестнице.

Мы подошли к краю перил на чердаке и наблюдали, как мой отец принимает холодный душ. Рука моей мамы скользнула вверх и вниз по моей спине, и она захихикала, как девочка, наблюдая за обнаженным телом своего мужа, скользнув рукой по заднице единственного сына. Затем она обняла меня и вздохнула.

— Надеюсь, тебе нравится шоу, — сказал отец, когда вода остановилась. Он посмотрел на нас в маленькое кривое зеркало над туалетом. — Ребята, вы то же хотите?

Он вышел из душа и начал сушиться.

— Я вижу, как холодно, — сказала мама, когда он вытер свой сморщенный член.

— Забавно, — сказал он, не глядя на нас. — Почему бы вам двоим не стать полезными и не начать убирать это место.

— Уже сделано, — сказал я.

— Тогда сделай мне еще выпить, — сказал он.

Он был уже навеселе. А был только полдень. В тот день мы в основном бездельничали и бродили, все время пили, в конце концов поняв, что мы пьяны, возможно, слишком пьяны, чтобы начать возиться с пропаном. Итак, мама порезала на тарелку овощей и добавила соус, и мы до вечера перекусывали, пили и смеялись.

Стало круто, поэтому мы закрыли окна и разожгли камин.

В мгновение ока стало уютно и тепло, и мы все сняли одежду до нижнего белья, что очень похоже на то, что мы начали делать дома. Папа, благослови его сердце, заснул мертвым сном в мягком кресле. Мама встала, накинула на него одеяло, вернулась и села рядом со мной на диван. Мы собирались провести самый невероятный разговор в нашей жизни

— Примерно вчера, — начала она. — Я просто хочу, чтобы ты знал, что тебе не нужно стыдиться того, что ты видел.

Я заикался и бормотал что-то о том, чтобы насладиться этим, а она протянула руку и накинула на нас одеяло.

— Я тоже, — прошептала она, одной рукой исследуя под одеялом, а другой делая глоток водки.

Мы оба были подвыпившими, на грани опьянения. Но это, казалось, расслабило мою маму, она скользнула рукой по моей ноге, мой член начал твердеть, когда она ногтями ласкала мой пах.

— Ты хочешь заняться со мной любовью? прошептала она.

Я дернулся назад, шокированный и удивленный ее откровенным вопросом.

— Я хочу, чтобы ты занимался со мной любовью, — сказала она. — Я давно этого хотела. Мы с твоим отцом действительно это обсуждали».

Я потерял дар речи. Мой член как будто дергался под одеялом, сердце бешено колотилось и трепетало от трепета.

— Не беспокойся об этом, — сказала она. — Нам не нужно делать это прямо сейчас. Я имею в виду, если ты не хочешь.

Я тяжело дышал и выдыхал, слушая, как моя мать подходит ко мне, и слышу, как мой отец храпит в свете костра.

Последовало долгое молчание, и я искренне подумал, что она заснула. На самом деле я надеялся, что она спит и не вспомнит об этом разговоре. Но затем она приспособилась и допила свой стакан.

— Я хочу, чтобы ты трахнул меня, — сказала она. — Я хочу, чтобы вы оба трахнули меня. Теперь она была пьяна.

После этого разговор продолжился, она говорила о вчерашнем дне и о том, как сильно она любит секс, насколько это важно для нее, как они с отцом обсуждали свинг в какой-то момент, что, насколько я могу понять, является тем, как секс со мной ей нужен.

Это было странно и эротично, рука моей матери медленно поглаживает мой член и она говорит о том, чтобы трахнуть меня и папу, моя рука скользит под ее рубашкой и касается ее груди впервые с... ну, ну, с младенчества.

Моя голова кружилась, когда она приспособилась, перевернулась на спину, подтянула рубашку и обнажила свои идеальные сиськи, чтобы ее сын мог ласкать. Она невнятно произнесла свои последние слова, глядя мне в глаза, не фокусируясь.

— Я хочу, чтобы ты трахнул свою мать.

А потом она ушла. Я потерял сознание и тяжело дышал, играя с ее сосками, скользя рукой по ее влажной киске. Моя мать полностью потеряла сознание у меня на коленях, мой твердый член в нескольких дюймах от ее открытого рта.

Мне хотелось продолжить, но я не мог этого сделать.

Не так. К тому же мой папа шевелился на стуле. Я посмотрел на красивое тело матери и стал гладить свой член рядом с ее ртом.

— Я тоже хочу тебя трахнуть, — прошептала я.

Она, казалось, потеряла сознание во сне, слегка повернула свое тело, ее рот открылся и ее язык лизнул мой член. Она тихонько стонала и облизывала меня агрессивнее, слюнки текут из ее рта на мои яйца.

Но потом она остановилась. Она была полностью во сне. Я осторожно поднял ее голову и выскользнул из-под нее, подложив ей под голову подушку и стянув рубашку вниз, накрывая ее одеялом.

Я поцеловал ее в лоб и отнес наши пустые стаканы к стойке.

Я в последний раз взглянул на нее, тихо спящую, красиво потрескивающие пламя.

Я взглянул на отца, подошел к нему, чтобы поправить его одеяло, которое упало на пол. Я взяла одеяло и накинул на него, одна нога перекинулась через подлокотник стула, его боксеры были распахнуты. Его член был вне, твердый и капающий. Я никогда раньше такого не видел. Его повесили, вероятно, 7, 5 дюймов и толще среднего.

Я уставился на него, прежде чем накинуть на него одеяло. Когда я повернулся, чтобы в последний раз подкинуть дров в огонь, я посмотрел вниз и заметил, что мой член снова стал твердым, как камень. Далее я поднялся по лестнице, впервые в жизни смотря на родителей в ином свете.

Затем я лег спать, подрочив, и после заснув крепким и глубоким сном.

(Продолжение следует)